

Татьяна Танилина

ШТУРМАН ПО ИМЕНИ МА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

Татьяна Н. Танилина

Штурман по имени Ма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17714062

ISBN 9785447459659

Аннотация

Тема старая, как мир, зятёвская война. Естественно, главные герои – тёща и зять. До поры до времени взаимная неприязнь скрывается за грубо скроенной ширмой дипломатии. Но однажды происходит грандиозный скандал! Казалось бы, теперь им – теще и зятю – надо бежать друг от друга как можно дальше. Однако им предстоит – о, ужас! – вынужденное сотрудничество. К чему привела «интеллигентная» семейная разборка, со шваброй в качестве главного аргумента, и рассказывает эта книга.

Содержание

Глава 1. Ралли. Стометровка по грязи. «А вы к нам надолго?»	5
Глава 2. Монстр и ключи. Прогулка в парке. Бегство от диктатора	14
Глава 3. Швабра и «Министерство путей общения»	23
Глава 4. Первое занятие. Скандал, кастрюля – вот и познакомились!	35
Глава 5. Коварное молоко. Пурпурный тюрбан. Подозрительный разговор	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Штурман по имени Ма юмористический роман Татьяна Танилина

© Татьяна Танилина, 2016

© Лера Капитонова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ралли. Стометровка по грязи. «А вы к нам надолго?»

Любимец аристократии алой стрелой летел по шоссе. Тучи, нависшие над загородной дорогой, были того же цвета, что и мокрый асфальт. Jaguar S-Type, цвета красный металл, нёсся к финишу с отчаянным упорством гонщика, понимающего, что шансы выиграть ралли у него невелики.

– Разогнался ты что-то, – проворчал штурман, переведя взгляд с карты на убегающую за горизонт блестящую тёмно-серую ленту. – Дорога мокрая, а ты несёшься, как малахольный! Не дай бог, перевернёмся!

Пилот раздражённо буркнул:

– Не каркайте под руку! Смотрите лучше в карту!

– Я и смотрю. Скоро будет поворот на боковую дорогу. Не проскочи.

Красавец «ягуар» – любимый автомобиль не только аристократов, но и прочей небедной публики – грациозно мчался по безлюдному участку трассы. Километров через десять, сбросив скорость, он свернул на грунтовую дорогу. Здесь грация железного «хищника» моментально исчезла. Он полз по мокрому грунту, переваливаясь с боку на бок, словно жирная утка. Говорят же, что короля делает свита, а машину – дорога. Лавры покорителя бездорожья шикарному до-

стоянию избранных явно не светили.

Штурман опять был недоволен:

– Что ты плетёшься, как черепаха! Мы же не успеем!

– По такой дороге быстрее нельзя! Это вам не танк! – огрызнулся пилот.

Попетляв между вспаханymi полями, дорога выровнялась и теперь тянулась параллельно железной дороге, метрах в ста от грунтовой.

Jeaguar S-Туре остановился напротив маленькой загородной станции. Объезжать поле было слишком долго, а к станции уже подходил поезд, и пилот принял решение – бежать напрямик. Экипаж «ягуара» выскочил из машины и бросился к багажнику. Пилот – русский мужчина лет сорока, в куртке стального цвета. Штурман – женщина пенсионного возраста, в коричневом плаще и бежевой беретке на коротких каштановых волосах. Мужчина вытащил из багажника чемодан, а женщина – плетёную корзину. Стартовали от машины они одновременно, однако вскоре женщина отстала. Беспокойно оглядываясь, мужчина лихорадочно вскрикивал:

– Быстрее, мамаша, быстрее! Тут стоянка очень короткая!

– Не могу я быстрее! – тяжело дыша, оправдывалась женщина, еле вытаскивая увязающие в мокрой почве ноги. – Сердце и так чуть не выскочит! Из последних сил уже ползу.

Услышав гудок стоящего на станции поезда, мужчина издал отчаянный вопль.

– Уедет, сейчас уедет! Я его задержу, а вы подползайте,

мамаша! Только быстрее, мамаша! Я вас умоляю, быстрее!

Выскочив на перрон, мужчина подбежал к тепловозу и обратился к машинисту, выглядывающему в окно.

– Слышь, друг, умоляю, подожди минутку! Мамашу на поезд надо посадить. Вон она, бежит через поле. Опоздали мы, из города сюда примчались. Прошу тебя: подожди!

– Это тебе не такси! – рявкнул машинист. – Ежели я каждого ждать буду...

Не дослушав его, мужчина бросил на перроне чемодан, а сам спрыгнул на рельсы перед тепловозом.

– Никуда не поедешь, пока её не заберёшь! – заорал он, раскинув руки, словно таким образом намеревался удержать поезд. – Зря, что ли, я в такую даль пёрся?!

– Уйди с рельсов, идиот! – закричал машинист, высунувшись из окна.

Мужчина умоляюще сложил руки и с надрывом воскликнул:

– Будь человеком – подожди! У тебя же самого, наверно, тёща есть! Ну, ты же должен понимать!

– Так ты тёщу провожаешь?... Ладно, подожду, – смилостивился машинист.

И, покачав головой, сказал помощнику:

– Вот довела парня тёща! Уже под поезд готов броситься, лишь бы ещё на день не осталась.

Мужчина запрыгнул на платформу и отчаянно замахал женщине, которая уже выбегала с поля. Когда они подскочи-

ли к вагону, стоящая на подножке проводница заявила: «Я вас не пущу с такой грязью! Вы мне весь вагон заляпаете!». Выворачивая ступни, женщина счистила об асфальт налипшую на полусапожки грязь. Мужчина выхватил из корзинки литровую пластиковую бутылку, открыл её и, присев на корточки, стал лить воду на обувь тёщи, другой рукой оттирая остатки грязи.

Женщина возмутилась:

– Ты что делаешь?! Это же минералка мне на дорогу!

– Ничего, мамаша, ничего, – бормотал сидящий у её ног зять. – В поезде есть вагон-ресторан. И на остановках воды полно.

Снова раздался гудок. Вагоны дрогнули. Мужчина отшвырнул пустую бутылку, посадил тёщу на подножку вагона, подал чемодан и корзину. Состав медленно тронулся с места. «Всем привет, Мариванна!» – радостно закричал зять. И, счастливый, долго махал рукой вслед уходящему поезду.

* * *

Навестив двух старших дочерей, Марья Ивановна сейчас ехала в гости к младшей.

Судьба разбросала детей по разным городам России, и теперь домой, в маленький городок Дубровинка, недалеко от российско-белорусской границы, дочери приезжали редко.

Но Марья Ивановна не обижалась. Она понимала: у дочерей уже своя жизнь. Семья, работа, хлопоты. Не так-то просто бывает выбраться. Гораздо легче ей, одинокой пенсионерке, самой приехать в гости. Весь год она копила деньги на дорогу, а в середине апреля начиналось родственное турне – по две недели в гостях у каждой дочери.

Старшая дочь жила на Урале. Средняя – в архангельской области. А младшая – в московской, ближе всех к Дубровинке. Но по заведённой традиции мать сначала ехала в гости к старшей, потом – к средней, а после этого навещала младшенькую – Надюшку. Старшим дочерям было за тридцать, младшей – двадцать восемь. Старшие рано выскочили замуж, у обеих было уже по двое детей. Надя вышла замуж недавно, и детей у неё пока не было.

Нельзя сказать, что Марья Ивановна любила Надю больше, чем других дочерей. Скорее, она больше волновалась за неё. Старшие девчонки – крепкие, бойкие, за словом в карман не полезут и за себя постоят. А Надюшка, с детства тоненькая, как былиночка, всегда была застенчивой. У Марьи Ивановны сердце сжималось от жалости, когда она думала о дочери. Таким трудно живётся в мире, где властвует принцип «нахальство – второе счастье».

Выйдя замуж, Надя переехала к мужу в город Новомирск московской области. У молодых была своя двухкомнатная квартира в десятиэтажном доме. И когда Марья Ивановна приезжала в гости, ей даже выделяли отдельную комнату.

Наверно, мать гостила бы подольше и навещала младшенькую почаще – ведь та жила ближе всех, – но отношения с зятем были не ахти. До скандалов доходило редко. Взаимная неприязнь скрывалась за грубо скроенной ширмой дипломатии. Худой мир, который лучше доброй ссоры, держался лишь потому, что проживали зять и тёща в разных городах. Живи они в одном городе или, того хуже, в одной квартире, непременно разгорелась бы зятёщевская война. Это определение Марья Ивановна придумала после первого скандала со старшим зятем. Когда вышла замуж средняя дочь, матери пришлось вести зятёщевскую войну уже на два фронта. Порядком устав от многочисленных баталий, Марья Ивановна в глубине души надеялась, что младший зять будет идеальным, и ей не придётся вести зятёщевскую войну аж на три фронта. Но всё вышло с точностью до наоборот. Младший зять Павел оказался самым сволочным. Наглый, самоуверенный, чёрствый, ленивый, дерзкий. И угораздило же Надюшку в него влюбиться!

При мысли о младшем («самом вражеском зяте») у Марьи Ивановны сжимались кулаки. Эх, не такого мужа достойна её дочь. Но, увы, штамп из паспорта, как и слова из песни, не выкинешь. Значит, надо деликатничать, улыбаться и делать вид, что всё хорошо. Пока хватит нервов и пока не занемает рука, держащая фигу в кармане.

На следующий день, вечером, поезд пришёл в Новомирск. Выйдя из вагона, Марья Ивановна растерянно огляделась. Ни дочери, ни зятя не видно.

– Что, не пришли ваши? – спросила проводница.

Марья Ивановна отрицательно покачала головой и, вздохнув, пробормотала:

– Может, зять нарочно не пришёл и дочку не пустил меня встречать? Мы с ним не очень-то ладим. И за что моей младшенькой такой дурень достался?

– Понимаю, – сочувственно кивнула проводница. – У меня у самой два зятя. Век бы их не видеть! Растишь-растишь, а потом попадетсЯ такой обормот...

«Мариванна!» – вдруг вынырнул из вокзального шума крик.

Обернувшись, Марья Ивановна увидела идущего к ней зятя. («А почему он один, без Надюшки? Неужели что-то случилось?»)

Подойдя к теще, Павел поздоровался и сказал:

– А Надю с работы не отпустили. У них там запарка с отчётом. Она звонила, просила извиниться. Как вы?

– Ничего. Жива-здорова.

«И готова к бою», – мысленно добавила Марья Ивановна, вручая зятю чемодан.

Только они вошли в квартиру и Марья Ивановна стала расстёгивать плащ, домой вернулась Надя. Она обняла мать и виноватым тоном сказала:

– Извини, мамочка, что я тебя не встретила. Не могла с работы уйти пораньше.

Марья Ивановна отстранила дочь и окинула её жалостливым взглядом.

– Доча, милая, ты что-то похудела. Ну, такая тощая!

– Не выдумывайте! – раздражённо пробурчал Павел. – У неё нормальная фигура.

Метнув на зятя неприязненный взгляд («Сам-то, ишь, какой боров!»), Марья Ивановна ласково улыбнулась дочери:

– Ну, ничего. Я тебя откормлю.

– Давай-ка лучше сначала я тебя накормлю, – предложила Надя.

Пока закипал чайник и подогревался ужин, Марья Ивановна рассказывала о сумасшедшем ралли вдогонку за поездом.

– Анатолий пообещал отвезти меня на вокзал, да припозднился – начальника его по совещаниям черти носили. Приехали мы на вокзал, а поезд уже тю-тю. Мы спросили, где следующая остановка, и помчались на загородную станцию. Летели, как шибутные. Думаю: не дай бог зять разобьёт машину, его начальник потом со свету сживёт. Она же дорогущая... Забыла название... Не то пантера, не то леопард...

– Ягуар, – подсказал хмурый зять.

Марья Ивановна бросила на него испытующий взгляд. («Ишь, какой смурной. Злитесь, небось, что я на поезд запрыгнуть успела».)

– Ага, он самый, – кивнула она. – Мы до станции не доехали – там по дороге объезжать далеко было, а поезд, глядим, уже подходит. Бросили мы машину и бегом через поле к железной дороге. Там недалеко – метров сто. Но земля мокрая, бежать тяжело. Зять рванулся вперёд – поезд придержать... Всё-таки успели. Ну, а дальше ехала без приключений. Соседи попались непьющие, смирные.

– А вы к нам надолго? – поинтересовался зять.

– Павел! – Надя укоризненно посмотрела на мужа.

– Я просто так спросил.

(«Да уж, конечно! Знаю я твоё „просто так“. Небось, только и мечтаешь кубарем с лестницы меня спустить».) Марья Ивановна усмехнулась и напомнила старую шутку:

– Говорят, что гость только три дня гость, а потом с ним можно не церемониться – выпроваживать.

Павел улыбнулся.

– В общем, недельку-другую поживу, а может, и больше, – погасила улыбку на лице зятя внутренне торжествующая, но с виду невозмутимая тёща.

Глава 2. Монстр и ключи. Прогулка в парке. Бегство от диктатора

Контрудар не заставил себя долго ждать. Утром следующего дня Марья Ивановна, проснувшись по обыкновению рано, поднялась, надела халат, вышла из комнаты и, увидев плакат на входной двери, остолбенела от ужаса. На плакате – явно реклама ужастика – был омерзительный монстр. Корявые лапы чудовища держали табличку (скорее всего, с названием фильма), заклеенную белым листом бумаги, на котором красными буквами было написано: «Не забудьте ключи!». Марья Ивановна с возмущением прошептала: «Вот стервец!»... а через пару секунд из большой комнаты вышел он сам – заспанный, босой, в спортивных брюках и майке.

– Нравится? – с убийственной непосредственностью поинтересовался Павел. – Это я для вас повесил.

Марья Ивановна молча вернулась в свою комнату и стала собирать чемодан. К ней заглянула дочь.

– Ты что делаешь, мамуля?

– Погостила, пора и честь знать, – процедила сквозь зубы Марья Ивановна.

– Да что случилось? Ты на что-то обиделась?

– У мужа своего спроси.

– Павел! – закричала Надя.

Если принять за аксиому утверждение, что настоящее произведение искусства никого не оставляет равнодушным, то плакат с монстром, которого тёща в пылу «обмена любезностями» назвала «портретом зятя», вполне мог претендовать на почётное звание шедевра. Когда копы претензий были изломаны в мелкие щепки, «самый вражеский зять» и «столь же нежно любимая тёща» вняли призывам Нади спокойно поговорить.

– Я же как лучше хотел, – стал объяснять Павел. – Вы сами жалуетесь, что забываете ключи. Помните, в позапрошлом году, когда мы у вас гостили, мне пришлось даже взламывать вашу дверь. Вот я и сделал вам памятку, чтобы вы не забыли ключи, когда будете выходить.

Марья Ивановна сердито сказала:

– Для чего ты это сделал, я и сама поняла – не дурней тебя! Но зачем хамить?

– А где тут хамство?

– Разве эта кикимора не хамство? Сделал он памятку, позаботился! Знаешь ведь, что я боюсь этих фильмов с чудищами, вот и повесил... авось, тёщу удар хватит. Я твои намеки за версту вижу.

– Я ни на что не намекаю! Не разбираетесь в психологии, так и не кидайтесь на людей!

– Ты большой псих, как я погляжу!

– А вы...

– Замолчите! – взвизгнула Надя и, сорвав с двери плакат,

разорвала его в клочья.

– Вам любой психолог подтвердит, что лучше всего запоминается то, что вызывает сильные эмоции, – заявил тёще Павел. – Вот я и хотел, чтоб вы не забыли.

– Спасибо! Теперь не забуду! – пообещала Марья Ивановна, сверля «заботливого» зятя ненавидящим взглядом.

– Всё, успокойтесь! Это было недоразумение, – торопливо произнесла Надя. – Вы просто не поняли друг друга.

«И никогда не поймём», – без труда прочитал бы даже самый бездарный психолог на лицах тёщи и зятя.

* * *

С каждым днём зять нервировал тёщу всё больше. Нервировал тем, что часами лежал на диване у телевизора и ничего не делал по дому. («Сколько же можно слонов гонять, лодырь ты, лодырь!») Нервировал тем, что был сух и неласков с дочерью. («Хоть бы доброе слово девчонке сказал – ходит, как мурло!») Нервировал и тем, что был подчёркнуто вежлив с ней. («Слова-то любезные говорит, а сам глядит так, будто сейчас каменюку из-за пазухи вытащит».) Нервировал также внезапными исчезновениями. («До чего же хитрющие эти мужики! Ловко устроился. Поди узнай, где он шляется? И что за работа такая, прости господи, внештатный корреспондент!»)

«Мурло», вне всяких сомнений, платило тёще той же мо-

нетой. Чем именно она не угодила зятю, Марья Ивановна, конечно, знать не могла. Но в том, что нервирует его она крепко, сомнений не было ни малейших. Дней десять она крепилась, а потом взяла билет домой.

– Завтра, дети, я уезжаю, – сообщила она за воскресным завтраком.

Молодые уставились на неё: дочь с искренним, а зять с притворным огорчением.

– Куда ты торопишься? Мы так редко видимся, – с грустью вымолвила Надя.

– Действительно. Погостили бы ещё. – Зять фальшивил, как бездарный оперный певец, отхвативший по блату коронную партию.

– Зачем же вам надоедать! И к тому же у меня дома дел полно. – Марья Ивановна говорила нарочито бодрым тоном, стараясь не смотреть на дочь – ведь обманывать голосом легче, нежели взглядом.

– Знаете что, дамы? Предлагаю... – Павел запнулся, подыскивая дипломатичную формулировку.

«Это дело отметить, – мысленно договорила за него тёща. – Ишь, как обрадовался! Морда аж сияет!»

– ...куда-нибудь пойти развлечься, – продолжил зять. – Говорят, в парке новые аттракционы поставили. А потом в киношку можно заглянуть.

Утро по воскресным меркам было раннее – около десяти часов, – аттракционы ещё не работали, и старый парк дремал, наслаждаясь тишиной. Солнечные лучи тянулись к земле сквозь «оконца» в кронах раскидистых деревьев – казалось, что испещрённые тенями и солнечными бликами дорожки устланы коврами с незамысловатым двухцветным рисунком. Ещё не опалённая летним зноем шелковистая зелень нежилась в утренней прохладе. Уходящий май радовал солнечными деньками, словно извиняясь за хмурую, дождливую весну.

Шагая по аллее вместе с дочерью и зятем, Марья Ивановна вдруг вспомнила другой поход в парк, совсем не похожий на этот: вместо раскидистых деревьев – саженцы; аттракционов – раз-два и обчёлся. Было это почти четверть века назад. В Дубровинке только открылся новый парк, и Марья Ивановна повела туда своих девчонок. Дочери бегали по дорожкам и смеялись, а она еле сдерживала слёзы. Терзала обида на мужа, который недавно бросил её. А ещё больше мучил страх. Как же она будет теперь одна с тремя детьми? И не на кого надеяться, не от кого ждать помощи. Но она не хотела выглядеть перед своими девчонками угрюмой и несчастной и заставляла себя улыбаться бегающим вокруг неё дочерям. Именно в то майское утро, на залитой солнцем аллее, она – женщина, которой было чуть больше тридцати, – впервые в жизни почувствовала себя старухой. А когда на притвор-

ную улыбку не осталось никаких сил и рыдания уже подступили к горлу, пятилетняя Надюшка подбежала к матери и, глядя на неё восторженными глазёнками, воскликнула: «Мамочка, ты такая красивая!». Жизнь мгновенно преобразилась: тоска отступила, душа ожила. Мария почувствовала себя молодой и счастливой.

– Мама! – голос взрослой дочери вернул её в настоящее. – О чём ты задумалась?

– Вспомнила, когда вы были маленькими. Ты помнишь, как мы первый раз пошли в новый парк?

– Смутно. Больше всего запомнилось, как нам не хватило денег на мороженое, и ты стала предлагать продавщице свой проездной билет. Она отказалась, и мы начали плакать. Тогда один мужчина купил нам всем мороженое. А тебе было так неудобно...

Павел перебил жену:

– Касса уже открылась. Идёмте покупать билеты.

(«И тут он влез! Поговорить с дочерью и то нельзя!») Марья Ивановна украдкой вздохнула и с деланной улыбкой произнесла:

– Пойдёмте.

* * *

После аттракционов Павел повёл дам в кафе. «Ты гляди, разошёлся! – поразилась Марья Ивановна, глядя на стол, на-

крытый с царственной щедростью. – Решил откормить напоследок». А когда зять прямо-таки с отеческой заботой в голос заметил: «Мама, что-то вы мало едите», – она чуть не подавилась.

Обходительность зятя в этот день не знала границ. Он лично закупил продукты тёще на дорогу. («Ты гляди, даже мои любимые булочки с маком не забыл».)

А когда Павел изъявил готовность подвергнуться жесточайшему испытанию, коим для мужских нервов является просмотр мелодрамы, тёща решила сделать ответный жест благородства: предложила посмотреть идущий в соседнем зале боевик. Зять воспротивился – должно быть из упрямства, которое накатывает на человека, если ему не дают совершить подвиг. Поединок великодуший на фоне слёзно-кулачных афиш затянулся, но до рукопашной, к счастью, не дошло – тёщин дух противоречия оказался более уступчивым.

Только они, купив билеты, отошли от кассы кинотеатра, как перед ними, прямо на улице, разыгралось представление в жанре комического боевика. Актёрским составом – неожиданно для себя и уж тем более для окружающих – стала ничем не примечательная пятёрка мирно шествующих по улице обывателей. Возглавлял пятёрку пожилой, коренастый мужчина с таким властным лицом, что любой режиссёр не колеблясь доверил бы ему роль диктатора. Сопровождали «диктатора» две женщины лет пятидесяти, парень и девушка. «Диктатор» с умным видом разглагольствовал, осталь-

ные почтительно внимали. Когда компания проходила мимо киоска с мороженым возле кинотеатра, парень – высокий широкоплечий детина – просительным тоном обратился к «диктатору»: «Папа, дай денег на мороженое». Тот вытащил из кармана пиджака портмоне и стал отсчитывать деньги.

Вдруг одна из женщин – маленькая, кругленькая, с мелкими кудряшками – взмахнула кулачком и с воплем: «Не бывать больше этому!» – схватила парня за руку и потащила к дороге. Девушка бросилась за ними.

– Что ты делаешь, мама? – пролепетала она дрожащим голосом.

– Я делаю из вас людей! Такси, такси! – закричала женщина, взмахнув свободной рукой.

Напротив них затормозил автомобиль с «шашечками». Кругленькая женщина открыла заднюю дверцу и втокнула в машину парня, а затем и девушку. Сама же уселась на переднее место, но закрыть дверь не смогла – помешал «диктатор».

– Что это значит?! – рявкнул он.

– Я их забираю! Они будут жить у меня! – крикнула женщина.

– Никуда вы не поедете! – заявил «диктатор» и, открыв заднюю дверцу, приказал молодым: – Выходите!

Испуганная девушка послушно выскользнула из машины. А следом за ней стал вылезать ошалелый детина. Но круг-

ленькая женщина выскочила из такси и втолкнула его обратно. Разъярённый «диктатор» отпихнул её и стал вытаскивать парня. Женщина велела девушке сесть на переднее место, а сама вырвала парня из диктаторских лап, затолкала в машину и плюхнулась рядом. Дверца захлопнулась, такси унеслось.

«Диктатор» выругался и пошёл по улице. Оставшаяся спутница, бросая на него испуганные взгляды, послушно засемила следом.

Павел ухмыльнулся и сказал: «Ну вот, мама, боевик мы уже посмотрели. Теперь будем смотреть мелодраму».

Глава 3. Швабра и «Министерство путей общения»

В день отъезда зять был подчёркнуто хмур, но Марья Ивановна без труда раскусила эту военную хитрость. «Кого ты обмануть хочешь! – мысленно посмеивалась она над зятем. – А то я не знаю, чего ты такой мрачный. Маскируешься. Боишься радость показать – вдруг тёща назло останется. Хотела бы я на тебя посмотреть, когда ты с вокзала будешь идти. Тоже мне, конспиратор! Морду кривит, а улыбка наружу так и рвётся. До чего же они глупые, эти мужики!»

Уходя на работу, Павел с порога выдал тёще наставление: – Смотрите, мама, чтобы к двенадцати были у двери в полной готовности.

Она проворчала:

– Я-то буду, гляди, сам не опоздай. А то один уже подвёз – еле поезд догнали.

– Не волнуйтесь. В этот раз обойдёмся без приключений. Надя! Поторопись!

– В общем, так, мамуля, – сказала дочь, надевая тонкую ветровку. – Если до двенадцати меня не будет, езжайте сами, а я приеду на вокзал.

Когда молодые ушли, Марья Ивановна сложила вещи в чемодан и задумалась: чем бы заняться? «Может, борщ сва-

ритель? Зятёк меня хоть и не любит, а борщи мои лопаёт с удовольствием. Жрать они все горазды!»

Любитель тётчиного борща явился без четверти двенадцать. Обнаружив тещу в кухне у плиты, он испуганно закричал:

– Что вы делаете, мама?! Опоздаем же!

– Чего ты паникуешь? – спокойно сказала Марья Ивановна, ложкой помешивая кипящий борщ. – Ты когда велел мне быть готовой? В двенадцать. Вот и не дёргайся!

Накрыв кастрюлю крышкой, она выключила газ и пошла собираться.

Без пяти двенадцать она с чемоданом и корзиной была уже в прихожей. Зять с улыбкой гостеприимного хозяина стал открывать дверь.

– погоди, – остановила его теща. – Присядем на дорожку.

Она села на чемодан, а Павел – на тумбочку для обуви.

– Ты не обижай Надюшку, – попросила Марья Ивановна. – Она у меня такая слабенькая...

– Что вы опять придумываете! – разозлился Павел. – Никакая она не слабенькая! И с чего вы взяли, что я её обижаю?

– Может, я не так выразилась... Я хотела сказать: жалеёшь, помогай.

– А я разве не помогаю?

– Что-то я этого не заметила.

– Так вы сами за всё хватаетесь, мне и делать ничего не остаётся.

– Значит, тёща плохая, что готовит тебе, убирает, стирает...

– Я же вас не заставляю.

– Так мне Надюшку жалко – всё на ней.

– Да вам лишь бы ко мне придирааться!

– А что я такого сказала? Всего лишь попросила, чтобы с дочкой был поласковой.

– Думаете, я не знаю, что вы её против меня настраиваете?

– Что ты врёшь? Ты сам на всех волком смотришь! Ходишь, как...

От слова «мурло» тёща в последний миг удержалась, но это уже не могло остановить пожар войны. Слишком долго копился порох в пороховницах; слишком плотно колчан был набит стрелами взаимных претензий; слишком ретиво затаённая агрессия искала повод к войне – столкновение было неминуемо.

Засвистели отравленные стрелы – тёща припомнила зятю и диван с телевизором, и монстра, и вечно надутую физиономию, и прошлогодний пьяный дебош. Зять тоже не экономил ядовитые стрелы, приправленные журналистским красноречием, и в конце своей злопыхательской речи обозвал тёщу интриганкой и склочницей. Конечно, Марья Ивановна была не настолько глупа, чтобы считать себя идеальной тёщей, а неприязнь зятя вовсе не была для неё откровением, но это несправедливое обвинение возмутило её до глубины души.

«Воздаяние почестей» было в самом разгаре, когда вход-

ная дверь стала медленно открываться... и скандалисты увидели Надю с выражением непритворного ужаса на лице.

– Я знала, что вы друг друга недолюбливаете, – пробормотала она дрожащим голосом. – Но я и представить не могла, что вы так друг друга ненавидите.

– А чего ж она...

Павел не успел договорить. С криком «Ты у меня сейчас получишь!» тёща выхватила из кладовки швабру не иначе как с целью нанести оппоненту оскорбление действием. Зять, не мешкая, поменял дислокацию и менял её каждую четверть секунды, уворачиваясь от выпадов разъярённой тещи. Она преследовала его с азартом разгорячённого охотника. Терять ей было нечего: мосты сожжены, отступить некуда. А коль так, врезать ему как следует на прощание, чтоб не наглез и не зарывался! Однако враг был хитёр. Сообразив, что в тесной цементной коробке плотного контакта со шваброй ему не избежать, он выскочил из квартиры и помчался вниз по лестнице. Тёща бросилась вдогонку. И хотя её пульс метался, как зверь в клетке, она решила не останавливаться, пока зять не получит по заслугам.

Конечно, Павел не ожидал, что тёща отважится продолжить «конструктивный диалог» на улице – такой у него был ошарашенный вид, когда она со шваброй выскочила из подъезда. Откровенно говоря, Марья Ивановна и сама уже была не рада, что «вынесла сор из избы», но оскорблённое самолюбие жаждало отмщения. Павел выхватил из карма-

на ключи и рванулся к своей тёмно-зелёной «тойоте», припаркованной во дворе. Марья Ивановна хотела догнать его, но неожиданно кто-то сзади схватил швабру за конец ручки. Оказалось, что это Надя. Не отпуская швабру, она, будто на поводке, подвела мать к машине и приказала мужу, который уже завёл двигатель:

– Выходи!

В её тоне было пугающее спокойствие доведённого до крайности человека, и Павел безропотно подчинился.

– Сейчас вы поедете со мной и будете вести себя, как цивилизованные люди, – сказала Надя. – А если вы не слушаетесь, вы для меня больше не существуете.

Она бросила швабру и села за руль.

Смерив зятя негодующим взглядом («Довёл девчонку, подлец!»), Марья Ивановна вместе со шваброй полезла в машину. Павел уселся на переднее место.

– Чемодан же забыли! – спохватился он, когда машина выехала со двора.

– И правда! – всполошилась Марья Ивановна.

– Он тебе не понадобится, мама. Ты никуда не поедешь! – заявила Надя.

Павел дёрнулся так, что чуть не оборвал ремень безопасности, и прохрипел: «Почему?!»

– Что ты задумала, доча? – с беспокойством спросила Марья Ивановна.

– Скоро сами всё узнаете! – ответила Надя.

* * *

Вместо вокзала они приехали к зданию, имеющему самое непосредственное отношение к железной дороге. Выйдя из машины, Павел и Марья Ивановна в недоумении уставились на застывшую в камне музыку – так поэтически величают всякое мало-мальски приличное архитектурное сооружение. Словно окаменев, стояли две фигуры перед «каменной музыкой» с величественными колоннами, скользя изумлёнными взглядами по выступающим каменным буквам надписи: «Дом культуры железнодорожников». Секундная стрелка протанцевала полукруг, прежде чем тёща и зять очнулись.

– Что это значит?! – изумлённо спросил Павел жену.

– Сейчас узнаете. Мама, оставь швабру в машине.

– Ни за что! – воспротивилась Марья Ивановна. – Пока этот тип рядом, я швабру не брошу!

Дочь не стала спорить и молча направилась ко входу. Мать и муж нехотя побрели следом. Поднявшись на второй этаж, они вместе с Надей вошли в небольшую комнату, похожую на школьный класс во время уборки. Столы сдвинуты в центре, на них волнами лежат отрезки бежевой материи. В дальнем углу комнаты – куча стульев. У стены, где дверь, длинный шкаф. На другой стене – большой календарь 2003 года, похожий на картину с весенним пейзажем. Возле одного из окон – конструкция, имитирующая стремянку: стол

и на нём – стул. Людей в этой комнате не было.

– Куда ты нас притащила? – спросил Павел жену.

Она ответила:

– На курсы.

– Какие курсы? Кройки и шитья?

– Нет, на курсы общения, – раздался позади них женский голос.

Все трое обернулись и увидели, что в комнату входит молодая женщина, примерно того же возраста, что и Надя.

– Меня зовут Нелли, – представилась она. – Я психолог.

– Запишите их на ваши курсы, – попросила Надя.

– Чего?! – испугалась Марья Ивановна. – Мы не психи!

– Да! – решительно поддержал тещу Павел.

– Хоть в чем-то вы солидарны, – прошипела Надя.

Павел хотел уйти, но жена схватила его за руку:

– Ты забыл, что я вам сказала?!

Супруг возмутился:

– Да ты что, меня идиотом считаешь?! У меня с головой всё в порядке, и никакие психологи мне не нужны!

– И мне! – заявила рассерженная Марья Ивановна. – Ты меня, доча, так не оскорбляй!

– Никто не сомневается в том, что вы нормальные люди, – заверила их Нелли. – Это большой предрассудок нашего общества – считать, что к психологу обращаются только сумасшедшие. Не нужно относиться к психологии с предубеждением. Вы поймите, психолог – это человек, который лучше

остальных знает человеческую природу.

– Мы свою природу сами знаем! – отрубилa Марья Ивановна. – И сами в своих делах разберёмся!

Нелли улыбнулась и предложила:

– Если вас так пугает слово «психолог», считайте меня лектором.

– Не надо нас дурить! Мы же не идиоты!

– Вот именно! – снова поддержал тещу Павел. – Не нужны нам ваши курсы!

Надя рассердилась:

– Ну, от тебя, Павел, я этого не ожидала! С мамой всё понятно: их поколение напичкано предрассудками выше крыши. Но ты-то современный человек.

Забыв о междоусобной распре, недруги выступили единым фронтом против общего врага – психолога и примкнувшей к нему Нади. Не возражая и не перебивая, Нелли выслушала их, а когда они умолкли, попросила:

– Пожалуйста, помогите мне повесить шторы.

– Неужели великий знаток человеческой природы сам не может это сделать? – съехидничал Павел.

– Не могу, – ответила Нелли. – Не достаю до багета. Я хотела взять стремянку, но завхоз куда-то исчез.

– Павел, не вредничай, помоги! – велела Надя.

Тот с хмурой физиономией полез на самодельную «стремянку». Нелли взяла со стола штору и подала ему.

Скептически наблюдая, как зять цепляет материю зажи-

мами на кольцах багета, Марья Ивановна посоветовала психологу:

– Бросайте вы это дело! А то попадётся вам такой вот... – определение заменил презрительный кивок в сторону зятя, – он вам все нервы измотает.

– Или такая вот! – не остался в долгу Павел, вкладывая в интонацию то, что тёща выразила кивком.

Надя, чтобы разрядить обстановку, спросила психолога:

– А почему вы решили повесить шторы, а не жалюзи?

– Для уюта, – пояснила Нелли. – Чтобы интерьер больше напоминал домашний...

– ...театр военных действий, – добавил ухмыляющийся Павел.

– Заткнись, полководец недобитый! – послала в него залп тёща и деловито произнесла: – С этими жалюзи возни много. Пылятся быстро, а мыть их такая морока. С занавеской легче – зашвырнул её в стиральную машину и всё.

– Зато жалюзи гладить не надо, – парировал зять.

– Не каждая ткань мнётся, – подкинула портьерам козырь, а зятю – шпильку тёща.

Надя спросила психолога:

– И много людей записалось на ваши курсы?

– Группа уже почти набрана, – ответила Нелли. – Курс делится на три подкурса. Первый – совместные занятия. Второй и третий – отдельно тёщи и зятя. Все три подкурса будут чередоваться.

Павел прыгнул на пол и начал перетаскивать стол со стулом к другому окну.

– Поторопись! – громко сказала мужу Надя. – Прямо отсюда поедem в загс – подадим заявление о разводе.

– Не остроумно, – буркнул Павел.

– Я не шучу. – В голосе Нади послышалась горечь. – Я уже устала от этой войны и хочу развестись. Так для всех будет лучше.

– А я не дам своего согласия.

– И не нужно. Достаточно будет моего.

– Никакого развода ты не получишь!

Марья Ивановна встревожилась. При всей нелюбви к зятю развода для дочери она не желала. Хватит того, что она сама почти всю жизнь промаялась в одиночестве. А главное то, что Надюшка будет страдать. Она ведь его, подлеца, любит. Ради счастья дочери Марья Ивановна готова была на любые жертвы. К чёрту самолюбие! Пусть думают, что она с приветом, раз пошла к психологу. Может, хоть психолог сумеет приструнить этого негодяя? Марья Ивановна бросила на зятя внимательный взгляд. («Уверен, что я не соглашусь. Тогда и у него будет повод отвертеться. Фигушки, дорогой зятёк!»)

– Знаете что, девушка, – обратилась она к психологу, – мы запишемся на ваши курсы. Это не очень дорого?

– Не волнуйся, мама, я за тебя заплачу, – пообещала Надя.

– Оплата по неделям, – уточнила психолог. – Если вам не понравится – бросите.

– Договорились! Пишите нас обоих, – сказала Марья Ивановна.

– Без меня меня женили, – съехидничал Павел, но больше возражать не стал.

– Чего ты стоишь, как пень? Лезь, вешай занавеску! – рывкнула на него тёща и спросила психолога: – А когда занятия начинаются?

– На следующей неделе, – ответила Нелли.

Она достала из шкафа сумочку и положила её на сдвинутые столы. Вытащила из сумки тетрадь и записала данные о новых клиентах.

– А почему вы здесь? – вдруг спросила Марья Ивановна. – Вы имеете какое-то отношение к Министерству путей сообщения?

– Нет. Я из Министерства путей общения... как все остальные психологи, – пошутила Нелли. – А если серьёзно, к железнодорожникам мы не имеем никакого отношения. Просто они сдают в аренду помещения.

– Кстати, а на какой срок рассчитаны эти курсы? – уточнил Павел.

– На два месяца, – сказала Нелли.

Пронзительный свист оборвался на самой высокой ноте – не сумевший обуздать эмоции Павел смущённо закашлялся в кулак. А в сумочке Нелли что-то запищало.

Марья Ивановна удивилась: что там верещит?

– Это брелок для ключей, – объяснила психолог. – В нём

датчик, который реагирует на свист или высокие звуки.

И, достав из сумки брелок, показала его Марье Ивановне. Та встревожилась:

– А у вас что, с памятью нелады?

– Нет, это для мамы. Она часто забывает, куда кладёт ключи.

– А мне зять недавно другой подарочек сделал. Тоже для памяти. – Марью Ивановну аж передёрнуло, когда она вспомнила монстра.

– Занятия ещё не начались, – раздражённо бросил Павел.

Надя подняла глаза к потолку и вздохнула.

– Намаетесь вы с нами, – честно предупредила Марья Ивановна психолога.

Нелли улыбнулась:

– Ничего, это моя работа.

Марья Ивановна смерила её жалостливым взглядом.

– Врагу не пожелаешь такую работу!.. А вещица хорошая, – похвалила она брелок. – Где их продают?

Глава 4. Первое занятие. Скандал, кастрюля – вот и познакомились!

Всю неделю до начала «курсов общения» зять и тёща вели себя, как дипломаты враждебных государств. Сухой деловой этикет и минимум контактов. Оба надеялись примерным поведением заставить Надю отменить своё решение. Мы, мол, и сами уже перевоспитались. Но дипломатический спектакль не помог. Надя, едва только муж или мать заикались «а может, не надо...», холодным тоном повторяла свой ультиматум и после этого надолго замолкала. Марья Ивановна сердцем чуяла: дочь не играет, не притворяется – она действительно страдает. И от этого ещё сильнее ненавидела зятя.

В первый день она явилась к Дому культуры железнодорожников за полчаса до начала занятий – в половине седьмого. И, чтобы не торчать у входа, решила выпить кофе в уличном кафе неподалёку. Села за столик так, чтобы видеть фасад Дома культуры, и стала следить: появится ли зять? Откровенно говоря, она была бы рада, если бы тот не пришёл. Ведь тогда у неё будет полное право не идти на эти дурацкие курсы, а там, глядишь, всё-таки удастся отговорить дочь от этой сомнительной (и даже оскорбительной для всякого здравомыслящего родственника) затеи.

Настроение у Марьи Ивановны было хуже некуда. Раздражала даже хорошая погода. Июнь с первых же дней начал усердно отогревать город, отсыревший после холодного дождливого мая. Вот и сегодня вечер выдался тёплый. Ни на ком из прохожих верхней одежды уже не было. А кое-кто щеголял даже в блузках с короткими рукавами или футболках. Марья Ивановна слишком легко одеться не рискнула – предпочла костюм из тонкой шерсти: пиджак и юбку.

Потягивая кофе и высматривая зятя среди прохожих, направляющихся в сторону ДК, Марья Ивановна обратила внимание на странную пару. Маленькая полная женщина с кудряшками тащила за руку, словно бычка на верёвочке, высокого плечистого парня. Он не то чтобы упирался – скорей, выражал протест унылым видом и шарканьем. Марья Ивановна узнала их. «Ба! Это же те самые, что уехали на такси от „диктатора“. Неужели они тоже идут на курсы?»

До начала занятий оставалось пять минут. У неё вдруг – от кофе ли, а может, от волнения? – заколотилось сердце. И чтобы успокоиться, она прикоснулась рукой к брошке, приколотой к лацкану пиджака. Эта дешёвая брошка служила талисманом, который Марья Ивановна брала с собой на ответственные и волнительные мероприятия. Эффект внушения сделал своё дело: от прикосновения к брошке полегчало.

Пора было идти. «Немного подожду у входа, и, если он не появится, с чистой совестью сматываюсь», – решила Ма-

рья Ивановна, вставая из-за стола. Обернувшись, она чуть не выронила сумку... За столиком в углу, возле выхода, сидел Павел с кофейной чашкой в руке. Увидев тещу, он оторопел и, судя по выражению его лица, мысленно выругался. Марья Ивановна сделала то же самое. Но вместе с досадой ощутила злорадство. («Ишь, какая морда хмурая! Тоже, видать, надеялся, что я не приду, чтобы у самого был повод удрать. Фигушки, дорогой зятёк!»)

Они вместе вышли из кафе и направились к Дому культуры железнодорожников.

На ступеньках их обогнала одетая в спортивный костюм пожилая дама с фигурой тяжелоатлета. Марья Ивановна подумала, что эта крепкая пенсионерка идёт в тренажёрный зал, но, поднявшись на второй этаж, увидела эту женщину возле дверей комнаты, где должны были проводиться занятия. Женщина торопливо причёсывалась перед карманным зеркальцем. «Тоже наша кадра», – поняла Марья Ивановна. И следом за этой дамой вошла в комнату, которая теперь напоминала школьный класс. Два ряда столов, по три стола в каждом. А стол психолога – там, где обычно стоит учительский. Почти за каждым столом сидела пара – мужчина помоложе и женщина постарше.

Нелли кивнула вошедшим. «Здравствуйте. Ну вот, все в сборе. Можем начинать».

Из-за последнего стола, в ряду возле окон, встал парень с примечательной внешностью: рыжие кудри обрамляли гру-

бловатое лицо с волевым подбородком. Рыжекудрый махнул рукой женщине в спортивном костюме.

– Идите сюда, мамаша! Я вам местечко занял!

– Лучше б ты мне его на другом конце света занял, – прошипела она.

Марья Ивановна почувствовала к ней симпатию. Наш человек!

Один стол (последний в ряду ближе к стене, где находились дверь и шкаф) пустовал. Его-то и заняли Марья Ивановна с Павлом.

Мужчина за первым столом из ряда возле окон критически заметил психологу:

– Неподходящий здесь интерьер. Обычно у психологов клиенты лежат на диванах. А мы, как школяры, за партами.

– Ты дома уже этот бедный диван пролежал! – проворчала сидящая рядом с ним женщина. – Так ещё и здесь надумал валяться, лежебока!

– Ваши хамские выпады меня уже достали! – огрызнулся «лежебока». – Я попросил бы вас...

Нелли перебила его:

– Давайте начнём. Меня вы все уже знаете. А теперь познакомьтесь друг с другом.

– Анкетные данные излагать подробно или вкратце? – уточнил «лежебока».

– Достаточно имени. А кто хочет, может рассказать о себе подробней. Сразу поясню: на занятиях мы будем разбирать

проблемы, наиболее типичные для такого рода отношений. А проблемы личного характера будем решать в индивидуальном порядке, в дополнительное время.

– И за дополнительную плату, – пробурчал мужчина за первым столом в том же ряду, что и Марья Ивановна с Павлом.

После реплики он обернулся на пару секунд. Но этого было достаточно, чтобы его разглядеть. На вид лет сорок, благородная интеллигентская внешность. «Наверняка профессор», – подумала Марья Ивановна.

– Здесь ещё недорого, – заявил «лежебока». – У нас психологи уже и побольше берут. Но самые дорогие психологи – за границей.

– Точно! – поддержал его рыжекудрый. – Я в кино видел. Сидит себе в кресле, слушает клиентский трёп – и такие бабки!

«Интеллигент» стукнул кулаком по столу и вполголоса ругнулся:

– Ты гляди, что творят... ихнюю за ногу!

Сидящая рядом с ним женщина – маленькая, худенькая, неприметная, как мышка, – опасливо на него покосилась и отодвинулась.

– Ну, кто первый? – спросила психолог.

«Лежебока» встал, одёрнул пиджак и сказал:

– Меня зовут Игорь. Я работаю в коммерческой фирме юрисконсультom. Считаюсь хорошим специалистом.

Его соседка презрительно усмехнулась:

– Какой же ты хороший специалист, если с тещей не можешь найти общего языка?

Юрист лихорадочно ослабил галстук, словно затянутую на шею удавку.

– Мамаша, вам слова никто не давал. Придёт ваша очередь, тогда и выступайте!

– Так уже и есть моя очередь. – Тёща юриста вскочила и, повернувшись к публике, представилась: – Зинаида Васильевна. Как это нынче говорят, бизнесвумен. У меня свой магазин. Коллективом руковожу без проблем, а вот с собственным зятем...

– ...говорить по-человечески так и не научилась, – проворчал юрист.

Объятая праведным гневом тёща воскликнула:

– Вот он всегда так! Всё меня душой выставить хочет! Образованием высшим хвастается. А благодаря кому он его получил? Кто его пять лет кормил, пока он в институте учился?

– Да сколько же можно меня этим попрекать? – воскликнул Игорь. – Я вас уже благодарил!

– Ага, по пьяни, когда и сам не соображал, что говоришь! А чтобы на трезвую голову...

– Я, между прочим, во время учёбы подрабатывал!

– Твоих заработков только на пиво и хватало! И родители твои тоже хороши! Спихнули тебя на мою голову, хоть бы когда копейку подкинули!

– Вы моих родителей не трогайте! Они вам не чета!

– Ну да, не чета! Спихнули и жили в своё удовольствие!

А плохая тёща пять лет тебя кормила и поила!

– Премного благодарен, мамаша! Я в долгу не останусь.

Когда вас привлекут к уголовной ответственности, я вас бесплатно буду защищать.

– Типун тебе на язык, идиот!

Юрист и его тёща, похоже, были скромными людьми. И потому с присущей скромным людям сдержанностью в обнаружении своих достоинств, не жалея красок и голосовых связок, принялись «петь дифирамбы» друг другу. Вкратце представленные анкетные данные росли как на дрожжах.

Марья Ивановна удивлённо посмотрела на психолога. Вместо того чтобы остановить перебранку, Нелли записывала что-то в блокноте и, казалось, не обращала ни малейшего внимания на происходящее. («А время летит, деньги пропадают. Ничего себе занятия! Лаяться можно и дома, бесплатно».)

Между тем к воякам с обеих сторон подошли подкрепления. Схватка, начавшаяся как дуэль, развернулась в полномасштабные боевые действия. Клиенты повыскакивали из-за столов и разделились на две враждебные армии. Из разрозненных криков постепенно вырисовывалась такая картина: мир населен злыднями, от которых добрым людям житья нет. Только на знамени витязей было начертано: «Зятя – само совершенство, тёщи – все до единой ведьмы», а на знамени

ни их противниц: «Тёщи – святые великомученицы, а зятя – все как один негодяи». До мордобоя, к счастью, не дошло – скандал всё больше напоминал митинг, на котором бразды правления захватил юридически подкованный зять. Вскочив на стол, он замахал руками и закалённым в юридических баталиях голосом провозгласил:

– Братья-зятя! Предлагаю объединиться в партию и вместе отстаивать поправные права!

Этот призыв был встречен восторженными откликами зятьёв и вызвал новый прилив ярости у тещ. Бурлящий поток эмоций остановили звуки, похожие на удары в гонг. Скандалисты умолкли и – кто испуганно, а кто изумлённо – устались на психолога.

Нелли стучала крышкой по дну перевернутой кастрюли, стоящей на столе. Видимо, классическая психология свернула на нетрадиционную тропу, коль приветствовала подобные методы обращения с клиентами.

Потушив «пожар войны» с помощью кастрюли, психолог приказала: «Все по местам!» – и стала засовывать кастрюлю в пластиковый пакет.

Павел ехидно спросил:

– А сей ударный инструмент вам нужен для того, чтобы вводить клиентов в транс?

– Наоборот, чтобы выводить клиентов из трансa, – парировала Нелли. – А если серьёзно, это чистая случайность. Просто мама попросила меня купить ей кастрюлю, и я перед

занятиями заглянула в магазин.

– Столько времени зря потеряли, – проворчала Марья Ивановна.

– Не волнуйтесь, это время потрачено не зря, – заверила Нелли. – Вы очень выразительно продемонстрировали, как не надо выяснять отношения. Здесь и неумение слушать друг друга, и уход от темы, и «палочные» доводы, то есть угрозы, и полное отсутствие всякой логики.

Она положила пакет с кастрюлей на подоконник и, дождавшись, когда все рассядутся по местам, сказала:

– Конфликтовать и отстаивать свои интересы надо конструктивно. Иначе толку не будет. Откровенно говоря, Игорь, вы удивили меня больше всех. Вы же юрист. Вы должны были изучать и логику, и культуру речи, и даже, хоть немного, психологию.

– Да я всё это знаю, – стал оправдываться юрист. – Я, и правда, хороший специалист... на работе. Но как начинаю с ней говорить, прямо тупею. Эмоциональная вовлечённость, понимаете ли...

– Вали, вали! Ищи виновных, охламон, – проворчала его тёща.

– Сами вы охламонка! – взорвался Игорь.

Нелли стукнула ладонью по столу.

– Прекратите! Отныне и впредь я запрещаю оскорбления!

– А психологи ваши говорят, что держать в себе негатив вредно, – с ухмылкой заявил рыжекудрый.

– Но ещё вредней – выпускать пар, оскорбляя оппонента, – ответила Нелли. – Это не решит проблему, а только всё усложнит.

– Слышал, умник? – Тёща рыжекудрого пихнула его локтем и, вскочив, на одном дыхании выпалила: – Я – Степанида Петровна, пенсионерка, строгая, но справедливая, порядок люблю и на даче возиться. – Она опять толкнула зятя: – Чего молчишь? Говори!

– Юрий. Инженер. Но пока работаю не по специальности – охранником в частной фирме, – сообщил рыжекудрый.

Следующая пара представилась кратко:

– Павел.

– Марья Ивановна.

Потом слово взял «интеллигент».

– Борис. Работаю грузчиком на рынке. А вообще-то я слесарь. Но сейчас на заводе стали мало платить, я и ушёл.

– Галина Алексеевна, – робко пропищала его тёща, вставая. – Библиотекарь.

– Что вы мямлите! – рявкнул на неё зять. – Только что орала, как бешеная!

– Вы забыли, что я вам сказала? – повысила голос Нелли.

– Да не забыл я, – буркнул «интеллигент» и прорычал тёще: – Моё почтение, мамаша. Да садитесь уже! Что вы стоите, как пень!

«Мышка» буквально вжалась в стул.

– Вы ведете себя по-хамски, молодой человек! – сделала

замечание Борису изысканно одетая женщина с модной причёской.

Она сидела за вторым столом в ряду возле окон, позади тётки юриста. Своё замечание элегантная дама завершила укоризненным жестом. Марья Ивановна обратила внимание на её декоративный маникюр и смущённо спрятала под столешницу свои грубоватые неухоженные руки.

– Позвольте представиться, – продолжала модница. – Ирина Модестовна, бывшая артистка оперетты. Сейчас работаю продавцом в газетном киоске.

– Константин. В душе и по образованию артист, а в жизни рекламный агент, – сообщил её зять. – Два года отработал в драмтеатре. Мелочь, конечно, – «кушать подано» и всё такое, но мне нравилось. Жаль, что актёрское ремесло не кормит, потому и ушёл в бизнес.

– Тёща, небось, заставила? – уточнил юрист.

– Нет, я сам. А вообще-то, она мне не тёща. Точней, она гражданская тёща. Мы с её дочкой пока не расписаны.

– Так зачем же ты сюда пришёл?

– Толкнул меня на это печальный опыт предыдущих браков, – нараспев произнёс артист и смутился: – Вы уж извините, но я иногда выражаюсь, как на сцене. Актерское нутро наружу рвётся, что ты с ним поделаешь?

– И охота тебе опять ярмо на шею накидывать? – удивился Борис. – Беги ты от них, дурень!

– Ярмо! – Тёща юриста презрительно фыркнула. – Ты сам

не очень-то похож на угнетённого. Ишь, как тещу застрашал!

– Не лезьте не в своё дело, мамаша! – одернул её зять-юрист.

– Нравится мне её дочка. Можно сказать, я её даже люблю, – признался артист. – Вот я и решил строить отношения с тещей по всем правилам. Ну, а если ничего не выйдет, лучше уж не сойтись характерами с тещей до загса, чем после.

– Пошли ты их к чёрту, пока ещё руки не связаны! – настаивал Борис.

– Если уж кого и посылать к чёрту, так это тебя! – воскликнула Зинаида Васильевна и покровительственным тоном обратилась к его теще: – Не тушуйтесь вы так перед ним, милочка. Ежели перед каждой... гм, гм... бисер метать...

– Начнём с того, что мы не свиньи! – заявил юрист. – И прежде чем переходить на личности...

– Неплохо было бы вам, Игорь, помолчать, – сказала Нелли. – У нас ещё одна пара не представилась.

Сидящая впереди Марьи Ивановны бойкая кругленькая женщина, что вела зятя в ДК, словно бычка на верёвочке, встала и звонким голосом сказала:

– Меня зовут Вера Михайловна. Я работаю на телефонной станции! – Она положила руку на плечо «бычка» и добавила: – А это мой зять Артур.

– Вот и познакомились, – улыбнулась Нелли. – Сейчас мы будем учиться правильно разговаривать.

– А можно, я буду вам помогать? – вызвался Игорь.

Нелли секунду подумала и кивнула. Юрист обратился к присутствующим:

– Господа...

И осёкся. Потом озадаченно пробормотал:

– А как мы будем называться? Клиентами, что ли?

– Если она – психолог, значит, мы – психопаты, – сказал рыжекудрый и ухмыльнулся. – Господа психопаты! Неплохо звучит.

Юрист предложил другой вариант:

– Знаете что? Поскольку слово «психология» для нашего человека звучит пугающе, мы договорились назвать это курсами общения. А если это курсы, значит, мы курсанты. Логично?

Все, даже тёщи, одобрительно закивали.

– Итак, господа курсанты, – продолжил юрист, – запомните, что главное в отношениях между людьми – это уважение к чужим убеждениям. Кстати, это признак широкого и развитого ума.

«Как мой», – договорило самодовольное выражение его лица.

– Ишь ты, какой широкоумный, – проворчала тёща юриста.

– Не старайтесь, мамаша. Я всё равно не поддамся на ваши уловки, – предупредил Игорь и неожиданно чихнул.

«Будь здоров!» – хором пожелали все, кроме Зинаиды Васильевны.

– Вот видите, – обиженно пробормотал юрист. – Все сказали, а она промолчала.

– На всякое чиханье не наздравствуешься! – огрызнулась его тёща.

– Мамаша, я бы вас попросил...

– Не вынуждайте меня доставать кастрюлю! – строго сказала Нелли. – Не будем больше терять время и ваши деньги. Начнём.

Глава 5. Коварное молоко. Пурпурный тюрбан. Подозрительный разговор

Какая игра случая выбирает нам родственников, сковывающая кандалами родства, основанного на узах брака, абсолютно чужих людей? Может быть, это нечто вроде пасьянса? С заносчивым видом его вальяжное величество Господин Случай тасует карты судеб и раскладывает из них замысловатые комбинации. А может статься, это гигантская рулетка? И надменный Господин Случай небрежно бросает шарик в бешено вращающийся круг с нумерованными лунками, где каждая цифра – номер чьей-то судьбы. Но также не исключено, что это всего лишь примитивная лотерея. И всё тот же высокомерный Господин Случай с презрительной усмешкой выхватывает из толпы первого попавшегося индивида, нисколько не беспокоясь, а довольны ли будут те, кому этот выигрыш предназначен? И вручив вам этот, с позволения сказать, приз, всемогущий шутник умывает руки, а вы извольте любить и жаловать новоявленного родственника. А если его не то что любить – даже издали видеть, даже краем уха слышать не хочется? Но выбор там, наверху, сделан; изменить ничего нельзя; вот и приходится, стиснув зубы и сжав кулаки, делать вид, что

любишь и жалуешь.

* * *

Если бы Марье Ивановне было не жаль дочь, бросила бы она эти курсы, послала бы к чёрту зятя и сбежала в свою Дубровинку. Глупая это затея – ухлопать пол-лета на бесполезные разговоры. От психологов польза только самим психологам – они-то деньги получают. А тёщи и зятя лишь впустую сотрясают воздух да перебирают сор, вынесенный из городских изб.

Одно только утешало Марью Ивановну – раз уж она здесь загостилась, так хоть поможет дочке по хозяйству. Пусть Надюшка немного отдохнёт.

Вот и сегодня, проснувшись, как всегда, рано, Марья Ивановна стала готовить завтрак. А после него, когда молодые собирались на работу, она вымыла посуду, почистила плиту и решила вскипятить молоко. Поставила кастрюльку с молоком на огонь и застыла у плиты, как часовой на посту. С молоком у Марьи Ивановны были давние счёты. Сей напиток с издевательским постоянством проделывал над ней злую шутку. Улучив момент, когда «бдительный часовой» отвлечётся, ленивое молоко, внезапно преисполнившись кипучей энергией, выплёскивалось на плиту.

– Мы пошли! – донёсся из прихожей голос зятя.

Уменьшив огонь, Марья Ивановна выглянула в коридор

и спросила:

– Что на ужин приготовить?

– Что хотите. У вас всё хорошо получается, – выходя из квартиры, бросил через плечо Павел.

«Ты гляди, даже на комплимент расщедрился! – думала Марья Ивановна, возвращаясь в кухню. – Может, и не зря к психологу ходим, деньги пла... Чёрт побери!»

Коварное молоко с ехидным шипением выползло из кастрюли и растекалось по сверкающей глади только что вычищенной плиты.

* * *

Позже Марья Ивановна отправилась за продуктами. Не дойдя до гастронома, она увидела вывеску «Магазин» над входом в подъезд пятиэтажки. Ещё вчера этой вывески здесь не было. Внезапно из магазина-подъезда выбежал мужчина лет пятидесяти, с восточной внешностью. На его лице, сверкая золотым зубом, играла улыбка. Одет он был весьма экстравагантно: чёрный деловой костюм, белая сорочка, галстук... а на голове – пурпурный тюрбан.

Мужчина схватил Марию Ивановну за руку и потащил в магазин. Поначалу она растерялась, но потом, уже в магазине, оттолкнула нахала и заявила:

– Покупать ничего не буду! Я забыла кошелёк!

Пурпурный тюрбан печально склонился набок.

– Что такое? Не идёт торговля! – посетовал восточный человек. Он говорил с лёгким акцентом. – Сам уже на улицу бегаю ловить покупателей, а они от меня, как от шайтана, разбегаются. Почему народ от меня шарахается?

– Может, их ваш вид пугает? – предположила Марья Ивановна.

Лицо мужчины приобрело почти такой же цвет, что и тюрбан.

– А чем это мой вид плохой? Разве я некультурно выгляжу?

– Культурно... только немного странно. – Марья Ивановна показала глазами вверх.

Мужчина поднял руки и, прикоснувшись к тюрбану, радостно завопил:

– Теперь понятно, почему они убегали! А я-то подумал, что бог торговли на меня разгневался! Правильно говорят: «Поспешись – людей насмешишь».

Сняв тюрбан и спрятав его под прилавок, мужчина стал объяснять:

– Сегодня первый день, как магазин открылся. Я сначала оделся в народном стиле: праздничный халат и тюрбан. А потом решил, что надо выглядеть по-деловому. Вместо халата надел костюм, а тюрбан снять забыл. Я же не верчусь у зеркала, как женщины. Ох, до чего же хитрющая ваша сестра!

– У меня нет сестры.

– Я не про вашу сестру, а вообще про женщин! Это они

должны торговать: жена и дочка. А они мне утром скандал устроили. Говорят, надеть нечего. Полный шкаф платьев, и нечего! Слезами деньги выжали и побежали наряды покупать. Пришлось мне самому за прилавок встать. Мы в этом доме живём, над магазином, – сообщил хозяин и сконфуженно пробормотал: – Как это я забыл про тюрбан?

Марья Ивановна улыбнулась:

– У меня тоже такое было. Собираюсь на работу, уже опаздываю. Пальто надела, а шапки нигде нет. Я говорю дочкам: «Найдите мою шапку». А они смеются: «Мама, ты в зеркало посмотри». Оказывается, я давно её нацепила и хожу ищу.

– А вы кошелёк, правда, забыли? – лукаво щурясь, поинтересовался хозяин.

– Это я сказала, чтобы от тебя отвязаться, – призналась Марья Ивановна, незаметно для себя переходя на «ты».

– Меня Батыр зовут, а тебя? – тоже перешёл на «ты» хозяин магазина.

– Марья Ивановна, – ответила она, скользя взглядом по товарам, расставленным на полках. – А почему ценников нет? Почём у тебя зелёный чай?

Хозяин назвал цену выше той, что в гастрономе.

– Ну, ты обнаглел! – возмутилась Марья Ивановна и шагнула к порогу.

– Постой! А сколько ты за него дашь? – крикнул Батыр.

Обернувшись, Марья Ивановна посмотрела в хитрые карие глаза и улыбнулась. («Вот оно что! Поторговаться ему

хочется. Оно и понятно. Какой же восточный базар без торго-
га! Ну что ж, поторгуюемся».) Она расправила плечи и по-
дошла к прилавку. Что-что, а торговаться она умела. Жизнь
приучила её сражаться за каждый рубль. Да что там рубль –
за каждую копейку! А со временем, когда пора жесточайшей
экономии миновала, это стало чем-то вроде азартной игры
или спортивного состязания, где призом были свои же соб-
ственные, но сэкономленные деньги. Марья Ивановна не по-
нимала тех людей, которые никогда не торгуются. Чего ради
платить больше, если можно заплатить меньше?

Батыр встретил достойного противника. Торговый поеди-
нок начался.

Когда хозяин укладывал купленные продукты в пакет,
в магазин заглянули ещё двое – мужчина и женщина.

– А ты хороший покупатель, – прошептал Батыр. – Гляди,
народ за тобой пошёл.

– Да, за мной часто очереди выстраиваются, – тихо под-
твердила Марья Ивановна и, увидев, что он кладёт в пакет
коробку рахат-лукума, запротестовала: – А это я не...

Хозяин жестом остановил её и прошептал:

– Это презент, как первому покупателю. Ты гляди, не за-
бывай меня.

* * *

Открывая дверь квартиры, Марья Ивановна услышала го-

лос зятя – он говорил по телефону. Днём, когда удавалось, Павел забежал домой пообедать. Вот и сегодня явился. Только тёща хотела подать голос, как вдруг до неё донеслось: «Женé лучше этого не знать. Так всем будет спокойней». Затаив дыхание, Марья Ивановна обратилась в слух. Однако Павел уже закончил разговор и положил трубку на аппарат. Выждав пару секунд, Марья Ивановна хлопнула дверь, словно только что вошла.

– Кто там? – как ей показалось, обеспокоенно крикнул зять.

– Я! – отозвалась она. – По магазинам ходила. Обед ещё не успела сготовить.

– Не торопитесь. Я уже перекусил.

Укладывая купленные продукты, что – в холодильник, а что – в буфет, Марья Ивановна с негодованием думала: «Вот же подлец! Бедная дочка весь день пашет, а он по бабам шастает! Понятно же, что с любовницей говорил...»

Хлоп! Закрылась входная дверь. Зять ушёл. «Ну, погоди! – пригрозила вслед ему тёща. – Я тебе устрою! Заявись только вечером, я от тебя не отстану, пока не признаешься!» «Нет, это ты погоди, – остановил её голос рассудка. – Так ты ничего не добьёшься. Мужики ведь брехливые, он тебе с три короба наврёт. Ты же ещё и виновата будешь. Надо действовать похитрей – искать доказательства».

Когда вечером Надя пришла с работы, Марья Ивановна собиралась на курсы.

– Ты на занятия, мамуля? – спросила дочь.

– Ага. Сегодня у нас отдельные занятия. Сначала – мы, потом – они.

Дочь вздохнула:

– Значит, Павел поздно придёт.

– Да он и без курсов домой не очень-то спешит! Работать толком не работает, а всё время где-то пропадает.

– Он работает, мамуля. Внештатником в двух газетах. И временно в автомастерской. Его друг – хозяин этой мастерской. Сейчас Павел, в основном, деньги там зарабатывает. Ну, иногда за статьи что-то получает.

– А я и не знала, что он машины ремонтирует. («Ещё неизвестно, правда ли это? Может, он прикрывается этой мастерской, а дружок его выгораживает».)

– А ещё он бомбит иногда.

– Что-что?

– Извозом подрабатывает.

«Знаю я, как он подрабатывает и кого он бомбит», – подумала Марья Ивановна, а вслух сказала:

– Ты какая-то бледненькая. Небось, устала? Поешь хорошенько.

* * *

Ехать к Дому культуры железнодорожников нужно было с пересадкой. Три остановки на одном автобусе, потом

две – на другом. Но Марья Ивановна не стала пересаживаться на другой маршрут и две оставшиеся остановки решила пройти пешком.

Погода была чудесной. Тепло, безветренно, солнечно. А на душе у Марьи Ивановны было тошно. И чем больше она жалела дочь, тем сильнее ненавидела зятя. («Не умеете вы добро ценить, сволочи! Да что же это творится – приличного мужика днём с огнём не сыщешь! Не пьяница, так кобель – не кобель, так пьяница! Вот ещё одно ужратое сокровище ползёт!»)

Объективности ради надо признать, что идущее навстречу ей «сокровище» было слегка подшофе и не «ползло», а шло уверенной походкой. Но Марья Ивановна была слишком зла – ненависть ко всем представителям мужского рода, растущая в геометрической прогрессии, в той же самой прогрессии увеличивала их недостатки. Даже газета в руках «сокровища» свидетельствовала против него. («Сейчас придет, завалится на диван с газетой, а бедная жена крутись-вертись, готовь-прибирай!»)

От «ужратого сокровища» Марью Ивановну отвлек газетный киоск. Покупая талоны, она сквозь стекло пригляделась к продавщице. Ба! Это же тёща с курсов – Ирина Модестовна.

– А вы разве на занятия не идёте? – спросила Марья Ивановна.

– Иду, – ответила Ирина Модестовна. – Я через пять ми-

нут закрываюсь.

– Тогда я вас подожду. Вы не против?

– Нет, конечно. – Ирина Модестовна хихикнула и смутилась. – Это я не над вами. Тут один мужчина только что купил газету. А когда он отходил, я заметила, что у него брюки сзади в жёлтой краске. Наверно, сел на выкрашенную лавочку. Пока я думала, как бы ему сказать поделикатней, он ушёл.

– Да чего там думать? Сказали бы: «У тебя задница в краске».

– Ну что вы! Неудобно... Вот ведь ситуация. Хотелось бы предупредить, а как?

– Ладно, я ему скажу.

Отыскав среди прохожих фигуру по жёлтым полоскам сзади на чёрных брюках, Марья Ивановна бросилась вдогонку, на бегу подыскивая выражения. («Может, я и вправду грубовата? Как бы это сказать покультурней? У вас брюки в полосочку... Нет, как-то глупо».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.